

DARIA KOROTKOVA (MOSKWA)

Польские рады Белорусских земель: из истории борьбы за союз с Польской республикой (1918–1920)*

Słowa kluczowe: rady polskie, Mirosław Obieziński, Białoruś, pokój ryski

Keywords: Polish councils, Mirosław Obieziński, Belarus, the Treaty of Riga

Abstract: The author describes activity of Poles who lived in Belarusian territories in 1918–1920. They were a group of cultural and economic importance who promoted the idea of maintaining Lithuania and Belarus in the Polish sphere of influence. They organized councils and committees and, later on, armed groups, wrote memorials and called upon the Polish government to save Belarus from the Bolsheviks. In their opinion, the entire region had to either be a part of Poland or an independent allied state. According to them, the Treaty of Riga which divided Belarus was a failure of Poland's foreign policy.

Польское население белорусских губерний (Минской, Могилевской, Гродненской, Витебской и Виленской) в начале XX в. составляло не слишком многочисленную (около 500 тыс. чел, по приблизительным оценкам¹), но зато весьма влиятельную группировку. Обладая как материальными средствами, так и моральным и интеллектуальным влиянием, многие белорусские поляки считали себя вправе во многом решать судьбы края. Обращаясь к исторической традиции, восходящей к средневековой государственности Речи Посполитой, они

* The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-09-00465.

¹ Напр., М. Обиезиński, *Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarjów pokojowych (wrzesień-paźdz. 1920 r)*, Warszawa 1938, с. 7.

акцентировали внимание на общем прошлом Польши и Литвы и принадлежности литовской элиты к польской «политической нации» (*gente Lithuanus* (или *Ruthenus*), *natione Polonus*). Название «Литва» употреблялось в историческом смысле, обозначая все литовские и белорусские земли. К коренным народам края относили белорусов, литовцев и поляков, иногда евреев. Русские рассматривались как чуждый элемент, завоеватели². Объединение нерусских народностей в борьбе с российским империализмом и автономия края должно было обеспечить интересы всех его обитателей, независимо от национальности. Часть из них полагали, что следует не защищать узкие интересы каждой из этнических групп региона, а стремиться к объединению их в одну политическую нацию, что позволит отстаивать перед российским правительством общие для всех интересы края³. Первая мировая война и революционные события в России радикально изменили положение в крае, заставили по-новому взглянуть в том числе на межнациональные отношения на литовско-белорусских землях.

Самоорганизация польского населения в условиях распада империи и революции началась довольно рано, весной-летом 1917 года. Польские рады, избравшиеся на общих окружных и приходских собраниях для защиты своих интересов, постепенно объединились в организацию под названием Национальные польские рады Белорусских земель⁴. Их делегаты должны были защищать политические, культурные и экономические права местных поляков перед лицом меняющихся оккупационных властей. Намечившееся было после Февральской революции сотрудничество с белорусскими национальными организациями вскоре сошло на нет. Возобладала идея о необходимости польского контроля над территорией края⁵. Начавшаяся в октябре 1918 г. эвакуация немецких войск заставила Польские рады выступить с требованием не отдавать большевикам оккупированные белорусские территории. В середине октября 1918 г. их представители граф Леон Лубеньский, Эдмунд Ивашкевич, Мирослав Обезерский направили в Варшаву

² Гісторыя беларускай дзяржаўнасці у канцы XVIII–пачатку XXI ст. Кн. 1. Мінск 2011, с. 228.

³ А. Смалянчук, «Краёвая ідэя» ў беларускай гісторыі: Зб. навуковых артыкулаў, Мінск 2017, с. 11.

⁴ К. Gomółka, *Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych 1918–1922*, Warszawa 1994, с. 32.

⁵ D. Tarasiuk, *Kwestia białoruska w poglądach mińskich polaków (1917–1918)*, Нацыянальныя пытанні (Матэрыялы III міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый” (Мінск, 2000 г.), Мінск 2001, с. 171.

меморандум, в котором просили прислать на белорусские земли польские войска. С подобными идеями выступали и отдельные кресовые рады.

В Варшаве начал функционировать Комитет по восточным делам, созданный 12 XI 1918 г. представителями различных политических партий, от Стронництва Людового и ППС до консерваторов⁶. В его состав вошли Витольд Каме-нецкий, Стефан Мицкевич, Александр Бабяньский. Активное участие в его заседаниях принимали представители Польской рады Минской земли Мирослав Обезерский, Леон Лубеньский, Владислав Рыбиньский. Целью работы Комитета было соглашение между поляками, литовцами и белорусами и подготовка материалов к Парижской мирной конференции. Его члены выступали за восстановление Великого княжества Литовского как равноправного союза всех народов, проживающих на его территории. «Аварийный» вариант, учитывавший возможность негативного отношения литовцев к этому проекту, предусматривал создание польского государства в этнических границах. На заседании Комитета 23 XI 1918 г. было принято решение представить концепцию создания при МИД Польской республики департамента по восточным делам. Кроме того, предлагалось отправить к Начальнику государства Польского Юзефу Пилсудскому делегацию с просьбой сформировать специальные вооруженные части на кресах, организовать полуофициальные правительства в Вильно, Белостоке и Минске, а также выделить финансы на культурную работу в Литве и Белоруссии. С этими планами ознакомили министра иностранных дел Леона Василевского, и, судя по протоколу заседания 27 ноября, он отнесся к ним позитивно⁷.

С октября 1918 г. на литовско-белорусских землях при участии крупных землевладельцев и Польской военной организации (*Polska organizacja wojskowa*, POW) начали создаваться польские отряды самообороны для противостояния отрядам Красной армии и местным большевикам. Кроме того, действовало Товарищество самопомощи польских военных из бывших восточных корпусов под руководством Александра Бернатовича и Владислава Рачкевича⁸. Вопрос о представительстве кресов на Учредительном сейме был поднят уже в декабре 1918 г. Сначала к Пилсудскому была направлена делегация из Гродненской губ. с просьбой об участии белорусских поляков в выборах в Сейм. Выборы должны были проводить кресовые рады. Депутаты должны были поднять в сейме сле-

⁶ J. Gierowska-Kallaур, *Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich*, Warszawa 2003, с. 34.

⁷ М. Obieziński, *Wspomnienia z polsko-rosyjskiej*, с. 3.

⁸ К. Gomółka, *Między Polską a Rosją*, с. 25.

дующие проблемы: объединение кресов с Польшей, хорошие отношения с государствами Антанты, проблема индустриализации кресов и оказание кресам материальной помощи⁹.

В 1918 г. в Люблине была создана организация под названием «Стража кресова» (с 21 IX 1920 – *Towarzystwo Straży Kresowej*, TSK). Весьма заметной областью ее деятельности стала пропаганда присоединения кресов к Польше и создание так называемых «отрядов самообороны».

После того, как Белоруссия и Литва в декабре 1918 г. были заняты большевиками, руководство Рад переехало в Варшаву и там отстаивало свою позицию перед правительством, сеймом и обществом, в котором не было единства по вопросу о принадлежности белорусских земель. Сторонники Юзефа Пилсудского, формируя свои программы по вопросу о восточной границе, ориентировались на возобновление исторического союза с Литвой, подразумевая под ней и белорусские территории, во всяком случае, западную их часть. Национальные демократы во главе с Романом Дмовским рассматривали главным образом экономические выгоды от присоединения Белоруссии и возможности ассимиляции католического населения. Кресовые поляки связывали свои надежды в 1918 г. с Польским национальным комитетом в Париже. После передачи власти Пилсудскому лагерь Дмовского утратил шансы на власть, однако сразу с этим не смирился. Гродненские и виленские поляки были для него новой возможностью расширить свою поддержку¹⁰. Существенным отличием их позиции было, однако, то, что они не соглашались с разделом белорусских земель.

Польские владения на территории, занятой Красной армией, были национализированы и переданы в управление местным советам¹¹. Рассчитывать на

⁹ *Ibidem*, с. 31.

¹⁰ J. Gierowska-Kałuża, *Zarząd Cywilny Ziemi*, с. 59.

¹¹ Раздела земли между крестьянами большевики не произвели, и это было их ошибкой. В национализированных имениях создавали коллективные хозяйства, в чем распоряжении и были отобранные у поляков владения, и которые должны были сообща ее обрабатывать. Белорусские крестьяне стремились хоть небольшой участок земли, но получить в свою собственность. Среди них пошли слухи, что большевики не дают делить землю, потому что хотят ее сохранить в целостности, чтобы вернуть потом полякам. Не добавляли доверия к коммунистам и постоянные реквизиции, к которым они были вынуждены прибегать, продолжая военные действия на и так уже разоренной войной территории. Результатом стало разочарование крестьянства в коммунистах, которых сначала встретили с большим энтузиазмом. – *Raport wojskowy informacyjny z dnia 16 I 1919 r.* // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308. Оп. 9. Д. 1105. Л.107.

возврат своего имущества поляки могли только в случае присоединения всего края к Польше. Их аргументацию можно проследить по прессе и литературе. Оспаривая мнение, что земли, входившие в состав Российской империи, должны быть возвращены (кроме Польши и Финляндии) новой России, польские авторы доказывали право Польши на обладание литовско-белорусскими территориями. Они заботились о сохранении польского землевладения и культурного влияния на белорусских землях и требовали от делегации в Париже поддержки своих требований.

В небольшом издании профессора Виленского университета В. Лютославского белорусы названы «населением, переходным между поляками и москвитами». Их язык, продолжал автор, похож на язык русинов (украинский), но ближе к польскому, чем к русскому. Белорусы легко понимают польский, а поляки – белорусский язык, причем белорусы-католики часто и в повседневной жизни используют польский¹². Повторяя обычные фразы о национальной неразвитости белорусов, автор подводил к мысли об органичности присоединения белорусских земель к польскому государству. Эта идея подкреплялась утверждениями о цивилизаторской миссии польского населения на востоке Европы, о том, что Польша несет европейский порядок и законы на территории, которые иначе подпадут под азиатское и варварское влияние «москвитов»¹³. Кроме того, автор доказывал, что для великих держав необходимо, чтобы Польша была именно таким многонациональным государством-мостом между Россией и Германией, не позволяя усилиться ни той, ни другой, что позволит ей стать надежной союзницей Франции и Англии на востоке¹⁴.

Примерно той же аргументации придерживался советник польской делегации в Париже, историк права проф. Ст. Кутшеба. От имени делегации он выпустил брошюру, в которой оспаривал права России, независимо от того, кто победит в гражданской войне, на литовско-белорусские земли. Исторически, заявил он, Белоруссия стала частью России в результате насильственного раздела Польского государства; белорусские земли никогда прежде конца XVIII века не были под властью Москвы¹⁵. Он отрицал даже этническую близость белорусов к русским; это распространенное мнение, по его словам, являлось отчасти

¹² W. Lutosławski, *Lithuania and White Ruthenia*, Paris 1919, с. 6.

¹³ Ibidem, с. 8.

¹⁴ Ibidem, с. 12–13.

¹⁵ St. Kutrzeba, *Droits de la Russie sur la Lithuanie et sur la Ruthenie-Blanche*, Paris 1919, с. 4–5.

недоразумением: в русском языке нет различия между понятиями «русский» (Russe) и «руський» (Ruthene). Тем временем, наречие белорусов, так же, как и их обычаи и образ жизни доказывают их близость к полякам. Кутшеба приво-дил пример пикардийцев, которые в повседневной жизни пользуются местным диалектом, приберегая литературный французский для более торжественных моментов. Таким же образом, по его мнению, обстояли дела и с соотношением белорусского и польского языков в жизни населения Литовско-Белорусского края. Русский же язык, навязанный администрацией края, местные жители вос-принимали как иностранный¹⁶.

Для западных союзников выдвигался главным образом актуальный аргумент защиты от большевистской опасности, однако в тесном кругу единомышленни-ков говорилось о неизбежности борьбы против России как таковой, независимо от того, будет она «белой» или «красной», так как Россия – главное препят-ствие на пути превращения Польши в самостоятельного игрока на междуна-родной арене.

В мемориале «Политическое положение Белоруссии», поданным представи-телем Польских рад графом Леоном Лубеньским 10 XII 1918 г. премьер-мини-стру Игнацию Падеревскому, доказывалась неспособность Литвы и Белоруссии к самостоятельному политическому существованию в качестве отдельных госу-дарств и предлагалось добиваться на конференции их объединения в границах исторической Литвы, тесно связанной военно-политическим союзом с Польшей. Такое объединение, по мнению автора, как отвечало бы интересам национального развития литовцев и белорусов, так и упрочило бы положение польского насе-ления¹⁷. Включая в себя полностью и литовские, и белорусские территории, это государственное формирование снимало бы вопрос пограничных споров в этой части Европы, а персональная автономия и союз с Польшей полностью бы удов-летворяли требования местных поляков¹⁸. Главное же, как писал тот же Лубень-ский в пояснениях к своему мемориалу уже 25 IV 1919 г., что таким образом эти территории переставали быть частью сферы российского влияния¹⁹.

Во время выборов на Учредительный сейм в начале 1919 г. кресовые поляки, переехавшие в Варшаву, создали делегацию Рад, которая добивалась участия

¹⁶ Ibidem, с. 7.

¹⁷ Archiwum Akt Nowych (AAN), Zespół Archiwum I. Paderewskiego. T. 946, с. 26–37.

¹⁸ Ibidem, с. 36.

¹⁹ Ibidem, с. 38.

в выборах земель бывшего Великого княжества Литовского. Однако им не удалось добиться поставленной цели, т.к. рады не были признаны полномочным представительством всего населения кресов²⁰.

В марте 1919 г. по распоряжению маршала Фоша германская армия была выведена из Западной Белоруссии, и ее место заняли польские легионы. На территории Белоруссии начались столкновения польских войск с Красной армией, а поляки стали вводить на занятых ими территориях Западной Белоруссии собственную военную и гражданскую администрацию²¹. В апреле 1919 г. польские войска заняли Вильно.

22 IV 1919 г. там было оглашено «Воззвание к жителям бывшего Великого княжества Литовского» Начальника государства Ю. Пилсудского. Пилсудский обещал, что судьба «этой несчастной земли» будет решена самими ее жителями, и что польские власти не будут вмешиваться в ее внутренние дела. В доказательство он заявил о создании для контроля над этими территориями со стороны Польши не военного, а гражданского управления. Гражданское управление восточными землями (ГУВЗ) должно было обеспечить мир и порядок на занятых Войском Польским территориях, а также помочь нуждающимся без различия вероисповедания и национальности²².

Польские кресовые рады продолжали добиваться представительства в Сейме и присоединения земель, ими представляемых, к Польше. 19–22 VII 1919 г. состоялось совместное заседание президиумов Национальной рады Белорусских земель с Верховной народной радой Гродненщины (*Naczelnej Rady Ludowej Ziemi Grodzieńskiej*)²³. Руководство рад договорилось о совместной деятельности. Однако это объединение просуществовало недолго: в августе 1919 г. альянс распался на более мелкие региональные организации. Ими стали: Виленская национальная рада, Верховная народная рада Гродненщины, Польская национальная рада Белоруссии и Инфлянт (в ней объединились представители Минской, Могилевской, Витебской губерний и Инфлянт)²⁴.

²⁰ J. Gierowska-Kałuża, *Zarząd Cywilny Ziemi*, с. 99.

²¹ Ф. Турук, *Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов*, Москва 1921, с. 53.

²² *II Rzeczpospolita Polska. Wybór dokumentów*, Warszawa 1988, с. 33–34.

²³ J. Gierowska-Kałuża, *Aktywność środowisk polskich w Mińszczyźnie w realiach lat 1919–1920*, *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, Vol. XLV, (2010), с. 96.

²⁴ *Ibidem*, с. 98.

22 XII 1919 г. советское правительство обратилось к Польше с нотой, в которой предлагало начать мирные переговоры. Польская национальная рада Белоруссии и Инфлянт сочла в связи с этим необходимым выразить публичный протест против заключения мира с Советской Россией. Рада выражала сомнение, что стремившаяся к мировой революции Россия будет соблюдать условия соглашения. Кроме того, границы, предложенные советской стороной, не устраивали белорусских поляков. Принятие этих условий означало бы, по их мнению, предательство Польшей своей миссии защиты западной цивилизации от восточных варваров²⁵.

В 1920 г. руководство Польской национальной рады Белоруссии и Инфлянт внимательно следило за всеми дипломатическими перипетиями, сопровождавшими военные действия на восточном фронте. В ноте от 27 III 1920 г. польский министр иностранных дел Станислав Ян Патек уведомлял главу Народного комиссариата иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина, что польское правительство готово начать переговоры с советскими представителями, начиная с 10 IV 1920 г. Переговоры предлагалось провести в белорусском Борисове, находившемся на польской стороне фронта. Если российская сторона согласилась бы принять эти условия, Польша обязалась приостановить боевые действия на этом участке фронта²⁶.

Польские рады потребовали, чтобы в состав мирной делегации был включен представитель кресовых поляков, неважно, в качестве ли эксперта или члена делегации. С. Патек назначил членом делегации руководителя Минского округа «кресового зубра» Владислава Рачкевича, которого М. Обезерский, возглавивший Польскую национальную раду Белоруссии и Инфлянт, считал «несомненно беспристрастным знатоком белорусского вопроса»²⁷. Эта делегация должна была начать переговоры с Советской Россией в Борисове, однако в результате протестов большевиков, не желавших вести переговоры в зоне ведения боевых действий (а по мнению поляков, недовольных отсутствием там возможностей для широкой агитации²⁸), переговоры в начале 1920 г. не состоялись.

Дальнейшие события известны: сначала, в результате польского наступления на Украине, Красная армия была отброшена за Днепр, однако в мае 1920 г.

²⁵ Ibidem, с. 114.

²⁶ J. Dąbski, *Pokój ryski. Wspomnienia, pertraktacje, tajne układy z Joffem, listy*, Warszawa 1931, с. 17.

²⁷ М. Obieziński, *Wspomnienia z polsko-rosyjskiej*, с. 3.

²⁸ Ibidem, с. 3.

советское руководство сумело организовать контрнаступление. Польша была вынуждена искать помощи Антанты. Владислав Грабский, премьер-министр Польши, на конференции в Спа 12 VII 1920 просил оказать поддержку. В ответ премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж посоветовал отказаться от амбициозных федеративных планов и пытаться договориться с большевиками на основе программы этнических границ Польши. Польскому правительству ничего не оставалось, как обратиться к советскому руководству с мирными предложениями.

22 VII 1920 г. правительство Польши известило Совет народных комиссаров РСФСР о своей готовности начать переговоры. Однако большевики, одерживая победы на фронте и надеясь вскоре подойти к Варшаве, всячески оттягивали начало переговоров. Поэтому МИД Польши только 11 VIII утвердило состав делегации во главе с заместителем министра иностранных дел Яном Домбским и инструкции по ведению мирных переговоров²⁹, и польская делегация смогла выехать в Минск, где должна была проходить конференция, 13 VIII. Отъезд делегации совпал с переломным моментом в битве за Варшаву: польская армия вынудила большевиков отступить от столицы. С этого момента началось ее победное наступление на белорусские земли.

Новый министр иностранных дел, Евстахий Сапега, не был слишком благосклонен к нуждам кресовых поляков: представителя рад белорусских земель не включили в первый состав делегации. Причиной была как спешка, с которой была сформирована и отправлена делегация, так и нежелание МИД затруднять себе задачу заключения договора. Кресовые поляки явно были бы против тех условий, на которые польское правительство намеревалось согласиться ввиду нахождения советских войск в 25 км от Варшавы. В частной беседе с делегатом МИД Польской республики Михалом Коссаковским Сапега признавался в то время, что, в связи с обескураживающим бегством польской армии, у него не было никакого определенного мнения в вопросе о границах и принадлежности белорусских территорий³⁰.

Польская национальная рада Белорусских земель сразу же после объявления перерыва в мирных переговорах и переноса их в Ригу и Инфлянт возобновила свою бурную деятельность по лоббированию интересов белорусских поляков

²⁹ В.А. Круталевич, І.А. Юхо, *Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917-1945)*, Мінск 2000, с. 80.

³⁰ М. Obiezierski, *Wspomnienia z polsko-rosyjskiej*, с. 6.

в МИД. В связи с победой Польши в войне с Советской Россией им представился, как казалось, вполне реальный шанс воплотить свои политические амбиции в жизнь.

В начале сентября на пленуме руководства этой организации было решено добиваться прежней цели – включения Белоруссии в состав Польши с предоставлением ей широкой автономии, причем земли к западу от линии немецких окопов 1916 г. следовало безоговорочно признать польскими. Делегаты постановили договориться с организацией «Стража кресова», действовавшей на Виленщине и Гродненщине, о совместных усилиях в этом направлении. В это же время была создана Виленско-Гродненская конфедерация (ВГК), объединившая все организации в Варшаве, которые стояли на платформе инкорпорации и раздела восточных территорий.

М. Обезерский наладил взаимодействие с представителями «Стражи кресовой». Последняя взяла на себя инициативу проведения нескольких совместных совещаний с Польской национальной радой Белорусских земель и Виленско-Гродненской конфедерацией для согласования своих программ и Инфлянт (ПНРБЗИ)³¹. Однако эти усилия оказались тщетными: уже после нескольких заседаний стало ясно, что сторонники федерации составляли большинство. Поэтому поборники инкорпорации – члены Виленско-Гродненской конфедерации – отказались от дальнейших переговоров. Прочие же участники заседаний – члены ПНРБЗИ, «Стражи кресовой» и Виленской демократии – составили совместную декларацию о намерениях, которую опубликовали в дружественных журналах, и договорились добиваться от правительства участия своих представителей на мирной конференции³².

Участие белорусских поляков в мирных переговорах казалось вполне возможным, тем более что Виленско-Гродненская конфедерация добилась права на участие от ее имени в заседаниях конференции в качестве эксперта городского головы Вильно, бывшего депутата российской Государственной думы Баньковского, а виленские демократы получили обещание, что от их имени будет выступать член делегации и эксперт Бронислав Кшижановский (виленский адвокат, член польского Виленского комитета, в конце 1918 – начале 1919 г. находившийся во Франции и хорошо знавший ход и результаты Парижской мирной конференции).

³¹ Ibidem, с. 6.

³² Ibidem, с. 7.

Совместное прошение ПНРБЗИ, Комитета защиты кресов и «Стражи кресовой», направленное князю Сапеге практически накануне отъезда польской мирной делегации в Ригу, о допуске к участию в заседаниях мирной конференции их представителей, министр иностранных дел решил удовлетворить, однако согласился лишь на одного представителя от ПНРБЗИ³³. Им и стал сам М. Обезерский, чья кандидатура, за неимением возможности направить собственного делегата, удовлетворила и «Стражу кресову». Он смог выехать в Ригу лишь со второй частью делегации, 26 сентября, и прибыл туда только 2 октября³⁴.

Добравшийся до Риги 2 X 1920 Обезерский попытался помешать неблагоприятному, с точки зрения интересов белорусских поляков, решению белорусского вопроса. 4 октября он подал Домбскому письменное прошение об участии в заседаниях с правом совещательного голоса в вопросах, касающихся кресов. За несколько дней до этого подобные прошения подали Баньковский и Кшижановский, но безуспешно. Домбский сообщил Обезерскому, что их, несомненно, вызовут, когда будут обсуждаться непосредственно касающиеся их вопросы, пока же дискуссия велась в основном по вопросам тактическим, и их присутствие в данный момент нецелесообразно.

Во вторник 5 октября, на общем завтраке польской делегации, Обезерскому и Кшижановскому удалось пообщаться с членом польской мирной делегации Станиславом Грабским, эндеком, чье влияние на ход переговоров было не меньшим, чем руководителя делегации Домбского. Он заявил им, что, в общем, действительно, белорусский вопрос решен не в их пользу: польская делегация не будет настаивать на границах 1772 г., чтобы не вызвать обвинений в империализме. Однако не будет и поставлен вопрос о самоопределении Белоруссии, поскольку, по мнению Ст. Грабского, поляки не смогли бы провести там плебисцит только под своим контролем. Антанты же недоброжелательно настроена к польским амбициям на востоке. Поэтому для Польши такой плебисцит бесполезен³⁵.

Обезерский и Кшижановский попытались убедить Грабского, что все выглядело бы иначе, если бы вместо плебисцита Россия и Польша совместной декларацией провозгласили независимость Белоруссии. Однако Грабскому эта идея не понравилась, он по-прежнему считал программу раздела белорусских земель единственным реальным исходом. Его главным аргументом было: «Мы же не

³³ Ibidem, с. 7.

³⁴ Ibidem, с. 8.

³⁵ Ibidem, с. 17.

можем ради этого сорвать переговоры». Вообще, по мнению Обезерского, этот аргумент повторялся делегатами слишком часто, когда речь заходила о защите имущества, а то и жизни поляков на территориях, которые должны были отойти Советской России. То же самое повторилось в тот же день при попытке на заседании экономической комиссии внести поправку, предусматривающую не только возврат кресовым полякам движимого имущества, но и компенсацию за недвижимость в пределах границ 1772 г., причем не на равных с прочими иностранцами правах, а в привилегированном порядке. Он обосновывал это культурным и цивилизационным вкладом польского населения в развитие края, который нельзя сравнить с вкладом какого-нибудь немецкого фабриканта, который разместил там производство лет 15 назад в спекулятивных целях. Польская делегация отвергла этот аргумент, поскольку не желала ценой продолжения войны защищать интересы «помещиков», которыми, по словам Обезерского, вовсе не исчерпывалось полумиллионное польское население кресов. Кроме того, делегаты заявили, что не могут выдвигать требования, противоречащие большевистскому общественному устройству, ибо это нарушало бы суверенитет Советской России³⁶.

В ходе обсуждения польских территориальных претензий на первых двух закрытых заседаниях руководителей делегаций были четко сформулированы позиции сторон по приоритетным для них вопросам (территориальным, признания Польшей УССР и БССР как граничащих с ней советских республик, невмешательства во внутренние дела друг друга). 4 октября на третьей закрытой встрече председателей мирных делегаций Адольф Абрамович Иоффе, глава советской делегации, наконец-то согласился на линию границы, которой добивался Ян Домбский, но без Брацлавского коридора, отделявшего РСФСР от Литвы. И это притом, что Ленин уже 2 октября согласился на польские территориальные требования, о чем сообщил членам политбюро ЦК РКП(б)³⁷. С этими позициями председатели ознакомили затем полномочных членов делегаций и экспертов.

Пытались принять участие в переговорах и белорусские националисты. В декабре 1919 г. произошел раскол их руководящего органа - Рады Белорусской народной республики (БНР) – на две группы по вопросу о союзе с Польшей: связанную договором о сотрудничестве с польскими властями Наивысшую раду

³⁶ М. Obieziński, *Wspomnienia z polsko-rosyjskiej*, с. 18.

³⁷ Архив внешней политики РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 23. Л. 12.

во главе с Антоном Луцкевичем и противников соглашения – Раду БНР Вацлава Ластовского, которая покинула оккупированную Польшей Белоруссию и переехала в Латвию. Согласие поляков на раздел Белоруссии теперь компрометировало главу Наивысшей рады Антона Луцкевича и его сторонников. Этим решили воспользоваться их политические противники, группировавшиеся вокруг «правительства в изгнании» В. Ластовского. Они попытались наладить взаимодействие с представителями кресовых поляков³⁸.

4 октября состоялась встреча Обезерского и Кшижановского, как представителей польской общины в Белоруссии, членов польской мирной делегации Витольда Каменецкого, посланника в Риге, и Леона Василевского, посланника в Эстонии, как представителей польского правительства, с членами группы Ластовского, прибывшими в Ригу на мирную конференцию³⁹.

Перед этой встречей поляки обсудили ситуацию в своем кругу. Василевский и Каменецкий сообщили, что делегация уже в общих чертах согласовала позицию по восточной границе и судьбе белорусских земель, и хочет уговорить белорусов не протестовать против отделения части края в пользу Польши, удовлетвовавшись пока теоретическим признанием независимости Белоруссии. Обезерского такое решение не устраивало: он полагал, что Белоруссия не доросла еще до независимости, но ее раздел считал несправедливым решением, которое было недостойно Польши, как освободительницы народов, тем более что Восточная Белоруссия, под именем независимой Белорусской республики, стала бы добычей большевиков. Будущее белорусского народа Обезерский видел только в политическом единстве с Польшей.

По предложению Обезерского решено было на этом совещании не брать на себя никаких обязательств, поскольку Вацлав Ластовский и Александр Цвигевич были представителями только одного из течений белорусского движения, причем неприязненно относящегося к Польше. Поляки договорились предложить Ластовскому пригласить в Ригу и представителя Наивысшей рады, чтобы выслушать мнение обеих частей белорусского движения.

Белорусы, однако, сообщили, что Наивысшая рада полностью им доверяет и в данный момент разделяет их программу, тем не менее, они могут вызвать из Варшавы сторонников Рады Вацлава Ивановского, Леона Дубейковского и Бронислава Тарашкевича. Основным постулатом Ластовского была независимость

³⁸ K. Gomółka, *Między Polską a Rosją*, с. 137.

³⁹ M. Obiezierski, *Wspomnienia z polsko-rosyjskiej*, с. 14.

Белоруссии, и в тот момент он и его сторонники не видели иного выхода, как настаивать на этой идее.

Эта принципиальность, по мнению поляков, свидетельствовала о слабости белорусского движения и отсутствии у него сил для осуществления какой-либо реальной программы действий. Чтобы популяризовать идею независимой Белорусской народной республики и привлечь к ней симпатии белорусских народных масс, они, вместо проведения какой-то реалистичной политики, предпочли безнадежно упорствовать в «платонической», по выражению Обезерского, в тот момент идее белорусской независимости⁴⁰. В итоге, никаких решений на этом совещании не было принято. Так же безрезультатно окончилось и второе совещание 6 X 1920 г⁴¹.

12 X 1920 г. в Риге руководители польской и советской мирных делегаций подписали договор о перемирии и прелиминарных условиях мира. Польша обязалась признать независимость Белоруссии и Украины и подтвердила, что уважает их государственный суверенитет. Стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не создавать и не поддерживать организаций, «ставящих своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной», а также не поддерживать «чужих военных действий против другой стороны». Статья 1 содержала описание линии восточной границы Польши⁴².

Таким образом, предпринятые в начале октября 1920 г. польскими и белорусскими противниками советско-польского соглашения о разделе Белоруссии попытки помешать его достижению результата не дали. И советское руководство, и польский политический истеблишмент стремились закончить военные действия как можно скорее. Поэтому они предпочли «мир соглашения» проблематичному для сторон окончательному выяснению подлинного победителя в борьбе за доминирование в регионе Восточной Европы. Польские кресовые организации были вынуждены принять сложившуюся ситуацию, хотя и много лет спустя продолжали считать раздел белорусских земель неверным решени-

⁴⁰ Ibidem, с. 15.

⁴¹ Ibidem, с. 23.

⁴² Граница проходила по р. Зап. Двина от границы России с Латвией, по границе Виленской и Витебской губерний, до пункта, где граничат Дисненский, Лепельский и Борисовский уезды, р.Березина, р.Виля, м.Илия, р.Рыбчанка, ж.д. станция Радошковичи, далее к востоку от селений Волма, Раков и Рубежевичи до ж.д. линии Минск-Барановичи, по р.Лань, Припять и Ствига до границы Минской и Вольинской губерний. – Документы внешней политики СССР. Т.3. М., 1959, с. 245–256.

ем, которое прерывало вековую польскую традицию, а Белоруссию обрекало «утонуть в российском море»⁴³.

Nadesłany: 11 V 2018

Nadesłany po poprawkach recenzyjnych: 2 XI 2018

Zaakceptowany: 14 XI 2018

Dr. Daria Korotkova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow

119991 Moscow, Leninski pr., 32-A

d_korotkova@mail.ru

Polish councils in Belarusian territories: from the history of the struggle for the union with the Polish Republic (1918–1920)

Local Polish councils in Belarus, organized in early 1917, transformed into national Polish councils of Belarusian lands and Livonia. Their leaders, including M. Obieziński, appealed to the Polish government and the Polish delegation for the Paris peace conference in 1919 to incorporate entire Belarus into Poland or to create an independent state in the Belarusian lands, closely allied to Poland. They published books and wrote memorials to bring round Polish and European leaders. The national Polish councils cooperated with the Belarusian government in exile headed by W. Lastowski. They insisted that Belarus should be an independent republic. Both Polish and Belarusian projects were utopias. The Soviet and Polish leaders had already reached an agreement to divide the Belarusian territories. According to Belarusian Poles, it was a failure of Poland's foreign policy.

⁴³ А. Смалянчук, Там жа, с. 310.